

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie[®]

Агата Кристи

Тайна семи
циферблатов

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

THE SEVEN DIALS MYSTERY

Copyright © 1929 Agatha Christie Limited. All rights reserved.
AGATHA CHRISTIE and The Agatha Christie Signature are registered
trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.
All rights reserved.

Кристи, Агата.

К82 Тайна семи циферблатов / Агата Кристи ; [пер. с англ. Ю. Р. Соколова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-97678-2

В замке Чимниз, арендованном миллионером Освальдом Кутом, собрались на уикенд гости. Однако праздник был безнадежно испорчен: один из приглашенных внезапно умер во сне, причем при весьма странных обстоятельствах: рядом с его телом кто-то выставил сразу семь будильников. А вскоре погиб и другой гость — красивый молодой человек. Перед смертью он успел прошептать: «Семь циферблатов...» Расследовать загадочные убийства пришлось обитателям и гостям замка. Но вскоре к ним присоединился суперинтендант Баттл...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-97678-2

© Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

РАННЯЯ ПТАШКА

Симпатичный юноша Джимми Тесайгер сбежал по большой лестнице особняка Чимниз, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Спуск его был настолько стремительным, что молодой человек столкнулся с Тредвеллом, величественным дворецким, как раз шествовавшим через холл со свежесваренным кофе. Благодаря изумительному присутствию духа и изрядной ловкости Тредвелла никакого ущерба не произошло.

— Простите, — извинился Джимми. — Послушайте, Тредвелл, неужели я последним спустился вниз?

— Нет сэр. Мистер Уэйд еще не сошел.

— Отлично, — проговорил Тесайгер, прежде чем войти в столовую.

В комнате никого не было, за исключением самой хозяйки, укоризненный взгляд которой вселил в душу Джимми то же самое неприятное чувство, которое всегда посещало его при виде безразличных глаз трески, выложенной на прилавке торговца ры-

6 *Агата Кристи*

бой. Однако ж, черт возьми, с какой стати эта женщина может смотреть на него подобным образом? Пунктуально спускаться вниз во время пребывания в загородном доме в точности в девять тридцать было немислимо. Правда, сейчас на часах было уже пятнадцать минут двенадцатого, что, быть может, выходило за допустимые рамки, однако даже в таком случае...

— Боюсь, что я несколько запоздал, леди Кут. Так?

— О, не стоит беспокойства, — ответила та полным меланхолии тоном.

На самом деле опоздание гостей к завтраку весьма задевало ее. Ибо в первые десять лет их супружеской жизни сэра Освальд Кут (тогда еще просто мистер Кут), говоря откровенно, устраивал настоящий скандал, если утренняя трапеза опаздывала хотя бы на полминуты после восьми утра. Таким образом леди Кут привыкла считать отсутствие пунктуальности смертным грехом самой непростительной природы.

Привычка умирает не просто. Кроме того, будучи женщиной искренней, она не могла не спросить себя о том, что хорошего способны совершить в этой жизни подобные молодые люди, не имеющие привычки рано вставать. Как часто говаривал сэра Освальд репортерам и прочей публике: «Свой успех я объясняю исключительно привычкой рано вставать, во всем экономить и во всем следовать системе».

Леди Кут была женщиной крупной и симпатичной, но в какой-то трагической манере. Большие, полные печали глаза дополнял низкий голос. Художник, разыскивавший модель для написания картины на тему «Рахиль плачет о детях своих», был бы восхищен леди Кут. Кроме того, она преуспела бы в мелодраме, в качестве бредущей под падающим снегом жены какого-нибудь безнадежного негодяя. По внешнему виду можно было предположить, что судьба ее испорчена какой-то ужасной тайной печалью, хотя, по правде сказать, жизнь свою она прожила без каких-либо забот вообще, если не считать молниеносного взлета к благосостоянию сэра Освальда. В девичестве эта женщина была особой живой и веселой, пылко влюбившейся в Освальда Кута, перспективного молодого человека, торговавшего велосипедами рядом со скобяной лавкой ее отца. Жили они счастливо, сперва в паре комнат, а потом в крошечном доме, а потом в доме побольше, а еще позже — в целой последовательности домов все возрастающей величины, но всегда в разумном удалении от «работяг», до тех пор пока сэр Освальд не достиг такой величины, что непосредственной связи между ним и «работягами» уже не усматривалось, и получил возможность ублажать себя арендой самых огромных и роскошных домов во всей Англии. Чимниз же представлял собой место историческое, и, арендовав этот дом на два года у маркиза Кейтерхэма, сэр Освальд ощутил, что достиг вершины собственных амбиций.

Однако подобная ситуация не доставляла никакой радости леди Кут. Будучи женщиной бездетной, на ранней стадии своей супружеской жизни она расслаблялась за разговорами со своей «девушкой» — и даже когда число «девушек» возросло в три раза, разговоры с прислугой составляли основное ее развлечение. И теперь, располагая стайкой служанок, величественным, как архиепископ, дворецким, несколькими весьма импозантными лакеями, полным комплектом суетливых кухарок и судомоек, устрашающего вида заморским шеф-поваром, наделенным заморским же темпераментом, а также внушительного объема домоправительницей, на ходу последовательно скрипевшей и шелестевшей, леди Кут ощущала себя брошенной на необитаемом острове.

Тяжело вздохнув, она проследовала из комнаты через открытое французское окно, к явному облегчению Джимми Тесайгера, немедленно воспользовавшегося ситуацией и наложившего себе побольше печенки и бекона.

Недолго постояв на террасе в самой трагической позе, леди Кут подвигла себя поговорить с Макдональдом, главным садовником, как раз обозревавшим аристократическим оком вверенный его попечению домен. Среди главных садовников как таковых Макдональд считался вождем и князем. Так что место свое он знал и не сомневался в том, что его дело — править. И потому правил — самым деспотическим образом.

Леди Кут приблизилась к нему во взволнованном состоянии.

— Доброе утро, Макдональд.

— Доброе утро, миледи. — Эти слова были произнесены так, как должно говорить главным садовникам — со скорбью и достоинством, присущими пребывающему на похоронах императору.

— Я хотела спросить: не сможем ли мы подать сегодня вечером на десерт немного нашего позднего винограда?

— Он еще не созрел, — изрек Макдональд голосом любезным, но вместе с тем твердым.

— Ох! — молвила леди Кут и, набравшись храбрости, продолжила: — Ох! Но вчера я была в дальней оранжерее и попробовала несколько ягод, и они показались мне очень хорошими.

Макдональд пристально посмотрел на леди Кут, и та покраснела. Взгляд этот заставил ее ощутить, что она допустила абсолютно непростительную вольность. Очевидно, покойная маркиза Кейтерхэм никогда не позволяла себе столь значительного нарушения приличий, как вкушение винограда в одной из собственных оранжерей.

— Если б вы отдали подобное распоряжение, миледи, мы срезали бы гроздь и послали бы ее вам, — строгим тоном проговорил Макдональд.

— О, благодарю вас, — проговорила леди Кут. — Конечно, в следующий раз я так и поступлю.

— Однако виноград пока еще не совсем созрел.

10 *Агата Кристи*

— Да, — негромко пробормотала леди Кут, — да, должно быть, вы правы. Пока оставим этот вопрос.

Макдональд сохранял истинно владычное молчание, и леди Кут вновь взвинтила себя.

— Я намеревалась поговорить с вами о той лужайке, что в конце розария. По-моему, ее можно было бы использовать как площадку для игры в кегли. Сэр Освальд очень любит покатать шары.

«Почему, собственно, нет?» — подумала леди Кут, как подобает особе, начитанной в истории Англии. Разве не в кегли играл сэр Френсис Дрейк со своими рыцарственными сподвижниками, когда у берега страны заметили корабли Великой Армады? Подобное занятие подобает джентльмену, и Макдональд, бесспорно, не сумеет выдвинуть никаких возражений против ее предложения. Однако в ходе своих размышлений она не учла тенденцию, доминирующую в психике хорошего главного садовника, требующую противоречить всем и каждому сделанному предложению.

— Вне сомнения, эту лужайку просто невозможно использовать для данной цели, — уклончивым тоном промолвил Макдональд. Реплике этой он придавал обескураживающий оттенок, однако на самом деле направлена она была на то, чтобы заставить леди Кут вступить на путь, ведущий к ее гибели.

— Ну если ее расчистить и... э... подстричь... и... э... все такое, — продолжила она полным надежды тоном.

— Так, — неторопливо проговорил Макдональд. — Это можно сделать. Однако придется тогда забрать Уильяма с нижнего бордюра...

— Ах, так! — усомнилась леди Кут. Слова «нижний бордюр» абсолютно ничего не говорили ее уму — разве что каким-то непонятным образом намекали на шотландскую церковь, — однако было очевидно, что, с точки зрения Макдональда, они означали неопровержимое возражение.

— И мне будет очень жаль, — продолжил Макдональд.

— Ну да, конечно же, *безусловно*, — согласилась леди Кут. И тут же удивилась тому, какая причина заставила ее согласиться с подобной решимостью.

Макдональд посмотрел на нее с еще большей строгостью.

— Но, конечно, если вы *прикажете*, миледи...

Закончил он паузой, однако полный угрозы тон был не по силам леди Кут. И она немедленно капитулировала.

— О нет, — проговорила женщина. — Я понимаю, что вы имеете в виду, Макдональд. Н... нет... пусть лучше Уильям останется на нижнем бордюре.

— Именно так я думал и сам, миледи.

— Да, — промолвила леди Кут. — Да, конечно.

— Я так и думал, что вы согласитесь, миледи, — закончил разговор садовник.

— Да, конечно, — снова произнесла она.

Макдональд прикоснулся к своей шляпе и направился прочь. Леди Кут, горестно вздохнув, про-

12 *Агата Кристи*

водила садовника взглядом. Джимми Тесайгер, уже укомплектованный печенью и беконом, вступил на террасу, остановился возле нее и вздохнул совершенно другим образом.

— Великолепное утро, как на ваш взгляд? — заметил он.

— Разве? — рассеянным тоном проговорила леди Кут. — Ах да, наверное, вы правы. Я просто не заметила этого.

— А где же все остальные? На озере, на плоскодонках?

— Должно быть, так. То есть я не удивлюсь, если они и в самом деле там.

Леди Кут повернулась на месте и резкими шагами вернулась в дом. Тредвелл как раз внимательным взглядом исследовал кофейник.

— О боже, — проговорила она. — Неужели мистер... мистер...

— Уэйд, миледи?

— Да, мистер Уэйд. Он действительно *еще* не спустился?

— Не спустился, миледи.

— Но уже очень поздно.

— Да, миледи.

— О боже... Но *когда-нибудь* он все-таки спустится, а, Тредвелл?

— Вне сомнения, миледи. Вчера утром мистер Уэйд спустился вниз даже в половине двенадцатого, миледи.

Леди Кут глянула на часы. На них было уже без двадцати двенадцать. Волна чисто человеческого сочувствия накатила на нее.

— Да, ну и денек выпал на вашу долю, Тредвелл... Придется убирать со стола, а потом подавать ланч к часу дня.

— Я привык к повадкам молодых джентльменов, миледи.

Укоризна была выражена с достоинством, но тем не менее выражена. Так мог бы князь Церкви корить турка или другого неверного, без злого умысла допустившего промах в отношении святой веры. И леди Кут покраснела второй раз за утро. Однако тут же пришло и желанное избавление. Дверь отворилась, и в образовавшуюся щель просунул голову серьезный молодой человек в очках.

— Ах вот вы где, леди Кут... Сэр Освальд спрашивал вас.

— Ах, так... иду. Иду к нему без промедления, мистер Бейтмен. — С этими словами леди Кут поспешила из комнаты.

Руперт Бейтмен, личный секретарь сэра Освальда, покинул ее другим путем — через французское окно, за которым по-прежнему нежился на солнышке Джимми Тесайгер.

— С утречком, Понго, — проговорил тот. — Ты хочешь сказать, что мне нужно идти и составить приятную компанию этим несносным девицам... Сам-то пойдешь?

Бейтмен отрицательно качнул головой и торопливым шагом пересек террасу, направляясь к двери в библиотеку.

Джимми проводил его удалявшуюся спину ухмылкой. Они с Бейтменом учились в одной школе, где Руперт, серьезный очкастый мальчик, заслужил прозвище Понго, неведомо по какой причине.

Понго, рассудил Джимми, и по сию пору остался в точности таким же ослом, каким был в те времена. Слова «Жизнь живая! Жизнь серьёзна!»¹ могли быть написаны специально для него.

Зевнув, Тесайгер не спеша прошествовал к озеру. Девицы уже были там, все три — совершенно обыкновенные; две с темными, стриженными «под фокстрот» головками, и третья со светлой, также стриженной «под фокстрот». Та из них, которая хихикала больше других (по его мнению), звалась Хелен; вторая откликнулась на имя Нэнси; третью же, по неведомой причине, звали Чулочки. Общество девушек разделяли два его друга, Билл Эверсли и Ронни Деврё, исполнявшие чисто украшательские функции в Министерстве иностранных дел.

— Привет, — проговорила Нэнси (а может быть, и Хелен). — Это Джимми. А где этот, как его там?

— Не хочешь ли ты этим сказать, — заявил Билл Эверсли, — что Джерри Уэйд *по сию пору* не встал? С этим надо что-то делать.

¹ Цитата из стихотворения Г. Лонгфелло «Псалом жизни», пер. В. Постникова.

— Если он будет и дальше настолько неаккуратным, — проговорил Ронни Деврё, — то однажды останется вообще без завтрака — и когда скатится вниз, окажется, что уже настало время ланча или чая.

— Это просто стыдно, — продолжила тему девица, прозывающаяся Чулочки. — Потому что досаждают леди Кут. Она с каждым днем становится все более похожей на курицу, которая хочет снести яйцо, но не может. А это очень плохо.

— Давайте вытащим его из постели, — предложил Билл. — Пошли, Джимми.

— О нет! Тут нужны более тонкие меры, — возразила девица по прозвищу Чулочки. Два этих слова, «тонкие меры», очень нравились ей, и она часто пользовалась ими.

— Я этих тонкостей не понимаю, — проговорил Джимми. — И потому ничего другого не могу предложить.

— Давайте все вместе решим, что нужно сделать, и исполним свои намерения завтра утром, — без особого интереса проговорил Ронни. — Например, поднимем его в семь утра. Весь дом потрясен. Тредвелл теряет свои фальшивые бакенбарды и роняет чайник. С леди Кут происходит истерика, и она падает без сознания в объятия Билла — нашего тяжеловоза. Сэр Освальд говорит «ха!», и котировки стали взлетают на пять восьмых пункта. Понго проявляет свои эмоции тем, что роняет свои очки и наступают на них.

— Вы не знаете Джерри, — проговорил Джимми. — Смею сказать, что правильным образом при-